

3. Сайт Государственного агентства по окружающей среде и лесному хозяйству Кыргызской Республики: http://www.nature.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=24%3A2009-01-15-06-30-04&catid=6%3A2009-01-12-10-03-04&Itemid=13&lang=ru
4. *Ситнянский Ю.* Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. – М., изд-во РАН, 1998.
5. *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в начале XVII–XX вв. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1963.
6. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-пресс, 2002.
7. *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. – Алма-Ата, изд-во Академии наук Казахской ССР, 1964.

Ч. Дж. Турдалиева,
*доцент направления «Антропология»,
Американский университет в Центральной Азии,*
Р. М. Рахимов,
*преподаватель направления «Антропология»,
Американский университет в Центральной Азии*

Скотоводство и земледелие кыргызов в контексте географического детерминизма Элсуорса Хантингтона

На протяжении трех тысячелетий кочевое скотоводство являлось основной формой хозяйства кыргызов. Интенсивное подвижное скотоводство, когда скот находился круглый год на подножном корму, было обусловлено особым физико-географическим ландшафтом и экологической средой. Как отражение естественного и постоянного механизма использования природных ресурсов, сезонные перекочевки делились, на: **зимние** – кыштоо, **весенние** – жаздоо, **летние** – жайлоо и **осенние** – күздөө. Для зимних пастбищ использовались долины и межгорные лощины, которые в то же самое время являлись естественными средствами защиты стад от снежных буранов и ветров. Осенние и весенние пастбища обычно размещались на близлежащих от зимовок земельных угодьях, которые рано освобождались от снежного покрова. Летние пастбища располагались в межгорных альпийских долинах со сравнительно обильным растительным покровом и наличием естественных водных ресурсов.

Особенности географической среды и потребности жизнеобеспечения кыргызов определили и видовой состав стада. Кыргызы разводили овец и лошадей, некоторые виды крупного рогатого скота, верблюдов и яков. В новое и новейшее время в различных местах Кыргызстана соотношение различных видов и численности домашнего скота в составе стада менялось в зависимости от внешней и внутрисоциальной обстановки. Однако в период присоединения к России и российской колонизации явно преобладал

местный рыночный скот – овцы (хотя разводились в небольшом количестве и козы). Скотоводческая продукция являлась источником не только внутриплеменного потребления, но и источником установления и развития торгово-экономических отношений с оседло-земледельческими народами, а животноводческое сырье – исходным материалом для развития домашних промыслов и ремесел. Эти и другие характеристики кочевой экономики кыргызов обнаруживаются в трудах западных путешественников.

С развитием индустриальных технологий в западных странах в XIX-XX вв., где пропасть между человеком и природой все больше нарастала, кочевые сообщества Центральной Азии, как пример культур, тесно соприкасавшихся с окружающей средой, притягивали внимание различных исследователей. Хотя отметим, что не все путешественники обращали пристальное внимание на хозяйственные занятия кыргызов. Некоторые, полагаясь на материалы российских исследователей, адаптировали готовую информацию, а другие, напротив, как, например, американский географ Элсуорс Хантингтон, пытались рассмотреть экономику кыргызов в контексте собственных научных положений и концепций. Более того, Хантингтон, находясь в поисках подтверждения собственных географических предположений и теорий, продолжал развивать идеи своих предшественников об отсталости кочевников, и один из первых в западной востоковедческой школе поставил вопрос о влиянии климата на развитие человеческого общества, в том числе и кочевого. В связи с этим, возникла необходимость контекстуализировать исследование данного ученого в общий теоретический дискурс на стыке взаимодействия человека и природы. Сопоставляя материалы Э. Хантингтона со сведениями других западных путешественников и используя информацию российских исследователей второй половины XIX – начала XX вв., попытаемся проанализировать экономику кыргызов в изучаемый период. Почему известный американский географ, профессор Гарвардского университета Элсуорс Хантингтон, автор более 20 книг и более 200 статей, посвященных социальной географии, которые и сегодня не теряют своего значения и продолжают вызывать дискуссии (10, с. 335-337), в 1903 году в составе экспедиции Р. Пампелли, а затем в 1905-1906 гг. совместно с Робертом Л. Барретом совершил марш-бросок в Центральную Азию?

Элсуорс Хантингтон (1876-1947) вырос в США, в религиозной семье и пуританской атмосфере, но вместе с тем в ней присутствовало уважение достижений современной науки, в частности географии. После завершения колледжа в 1901 году, он стал студентом Гарвардского университета и воспитанником известного профессора географии Вильяма Дэвиса. Совместная полевая работа в юго-восточной части Америки дала Э. Хантингтону толчок для изучения причин аридности, то есть засушливости почвы, но мысли о связи окружающей среды и социальных событий были внесены Рафаилом Пампелли, ученым, известным своими геолого-географическими исследованиями в Восточной Азии.

В 1903 году Р. Пампелли, получив финансовую поддержку от Эндрю Карнеги, известного американского покровителя науки и культуры, снаряжает экспедицию в Центральную Азию (6, с. 353-354). И, как видим, неслучайно Э. Хантингтон оказался важным участником экспедиции Пампелли в регион, которому, согласно архивным документам, всяческую помощь оказывала местная российская администрация (2). Более того, в XIX веке бурный рост научно-технических открытий и исследований

новых территорий и культур усилил дискуссии на Западе о происхождении человеческой цивилизации и факторах ее развития, хотя эти идеи не были неожиданны и в более раннее время. Выдвигались теории, экстраполирующие эволюционизм в естественных науках на развитие человеческого общества, при котором антропологи и историки придерживались идеи о единстве человеческого рода, а, следовательно, единообразия культурного развития племен и народов. Другая теория, называемая географическим детерминизмом, отражала зависимость социальной истории от окружающей среды. Согласно ей, основным и главным детерминатором экономического, социально-политического и культурного развития человеческой цивилизации, взлетов и упадка государств и народов является природа и ее локальные географические особенности. И в этом смысле идея Э. Хантингтона рассмотреть различные системы окружающей среды и их влияние на развитие человеческих историй и культур была в духе времени и научной конъюнктуры (8, с. 47). Но он сделал это специфичнее. Э. Хантингтон выдвинул теорию о влиянии климата и адаптации к нему человеческого общества. Данная теория и поныне вызывает неоднозначную реакцию. По мнению современных западных авторов, «несмотря на его полезные научные исследования, его теория о климате... дала географии плохое имя, и Э. Хантингтон зашел слишком далеко» (9). Насколько далеко Э. Хантингтон зашел в применении своей концепции к кочевой действительности, мы и рассмотрим в данной статье.

Известный социальный географ писал: «Важность климата и его изменений в истории и других родственных науках полностью никогда не отражалась. Это именно климат вызывает такое различие между эскимосами и восточными индийцами; это климат, который неотразимо искушает арабов быть грабителями и кочевниками одновременно и позволяет итальянцам легко культивировать землю» (9). Для доказательства своей теории на примере азиатских народов Э. Хантингтон исколесил и прошел пешком по северу Индии, Ирану, Восточному и Западному Туркестану, Монголии и Тибету, затем опубликовал книги с интригующими названиями «Горы Туркестана» (1905) и «Пульс Центральной Азии» (1907). Отметим, что многие западные авторы выбирали для своих книг громкие и интригующие названия, которые сиюминутно заинтересовывали читателя, намекая на приключенческо-научное содержание и героизм автора в труднодоступных местах. К примеру, книга английского офицера Френсиса Янгхазбэнда названа «Сердце континента», у французского экспедитора Габриела Бонвало – «Через сердце Азии», а у английской путешественницы Эллы Сайкс – «Через пустыни и оазисы Центральной Азии».

По мнению Э. Хантингтона, человеческая история подчинена географическому фактору, а именно климатическим изменениям, которые происходят в результате солнечной активности, то есть пульсации ее энергии. Так, ледниковый период представлял один из длительных периодов солнечной пульсации, после которого наступил холод и усилилась влажность, а это, в свою очередь, вызвало миграцию человеческих сообществ в более теплые районы Земного шара. Другой период, начавшийся в III в. до н. э., напротив, характеризовался заметным потеплением и засушливостью климата, что опять-таки вызвало человеческую мобильность и социально-экономические адаптационные вариации. Именно изменения климата в Центральной Азии за последние две тысячи лет привели к возникновению, устойчивости и невозможности изменения таких экономических систем, как номадизм в горной замкнутой окружающей среде и земледелие в оазисах и долинах.

Э. Хантингтон пришел к выводу, что не только экономическая жизнь подвержена климатическому воздействию, но и психологические особенности этноса, его характер и привычки формируются в силу влияния климата. Так, народы засушливых районов, являвшиеся более цивилизованными и могущественными в прошлом, сегодня находятся в упадке. Некогда слабые и дикие народы холодных и влажных поясов и зон сегодня характеризуются как сильные и могущественные. Такие страны, как Италия, Греция и Испания, занимающие территории между этими двумя районами, заняли промежуточную позицию в цивилизационном ранжире Э. Хантингтона. Они позади холодных стран с высокой влажностью, таких как Швеция, Англия и Германия, но впереди засушливых земель, таких как Персия, Аравия и Алжир (9).

В значительной степени теория Э. Хантингтона, объясняющая механизм адаптации человеческих культур к различным климатическим нишам, совпадает с идеями и положениями английского историка, основателя цивилизационного подхода в изучении человеческой истории Арнольда Тойнби, хотя английский историк пошел дальше своего американского учителя, отражая тотальное господство природы в возникновении, развитии и упадке человеческой цивилизации (5). Идея Э. Хантингтона о том, что окружающая среда, а точнее, изменение климата и его устойчивость во времени ограничивает, а иногда и вовсе не дает развития кочевой экономике и кочевым народам, в определенной степени смыкается с идеей современного казахского исследователя Н. Э. Масанова. Н. Э. Масанов считает, что главной структурной особенностью кочевого способа производства являются биологические средства, которые в силу сильного экологического прессинга не могут качественно изменяться, а, следовательно, ограничивается развитие самой кочевой экономики (4, с. 222-224). Возвращаясь к истории кыргызов, отметим, что еще до своего путешествия в регион, Э. Хантингтон ознакомился с трудами китайского монаха Чжан Цаня, английских исследователей Ауреля Стейна и Фрэнсиса Янгхазбэнда, работы которых стали для него надежными первоисточниками. Также не исключено, что его познания о регионе дополнились и благодаря тому, что после окончания колледжа в 1897 году, он преподавал в миссионерской школе в Харпите, на востоке Турции. Однако ему было необходимо глубже изучить отдельные районы региона, их топографические, гидрографические и, безусловно, климатические особенности.

Как было отмечено выше, непосредственное знакомство с регионом произошло с мая 1903 по июль 1904 гг., когда Э. Хантингтон находился в Туркестане в составе экспедиции Р. Пампелли. В своей книге «Пульс Центральной Азии» кыргызам он посвятил пятую главу, названную им как «Кыргызские номады и влияние высоких плоскогорий». Он называл кыргызов «магометанскими» и «туранскими» кыргызами. Вполне возможно, что на Э. Хантингтона повлияла идеология джадидизма, позиция которого была сильна в Турции в XIX – начале XX вв., и которая преследовала цель объединения туранских народов, то есть народов, имеющих тюркские корни, на основе мусульманской религии. В этой главе, а затем и в других главах, наблюдается попытка автора показать взаимосвязь климата, горной окружающей среды с кыргызским кочевником, уровнем его экономических, физических и ментальных способностей.

Э. Хантингтон побывал среди кыргызских племен, кочевавших на Иссык-Куле, Сон-Колле, в Нарыне и Восточном Туркестане. Он сравнивал их между собой, а также с племенами и народами других регионов и территорий, которые уже подверглись его наблюдению и анализу. Методы, которые он использовал, а именно: погружение в изу-

чаемую среду, наблюдение за местными людьми и нередко участие в их повседневной жизни и трудовой практике, не отличаются от современных антропологических методов и подходов (12, с. 5). Поиск для подтверждения своей теории он начал с повествования об окружающей горной среде: «Возвращаясь к нашему главному предмету, первая и самая важная географическая особенность Тянь-Шаньского плато, как мы видим, – это памиры или равнины, богатые травой. Они определяют характер животных, включая и жизнь человека. Климат так холоден, и снег лежит так долго, что животные не могут постоянно обитать на плато в большом количестве, если они не зимуют как многочисленные сурки, или не мигрируют как птицы; и даже птицам нелегко найти пищу из-за дефицита насекомых и сорняков с большими семенами. Все же в течение летних месяцев условия почти идеальны для травоядных разновидностей животных. Человек может легко повернуть этот факт в его интересах, если он привыкает к постоянному движению. В течение лета богатые травянистые нагорья способствуют увеличению веса миллионов овец и рогатого скота, но перед зимними снегопадами необходимо отгонять скот вниз, к сухим открытым равнинам, или к защищенным долинам, в любой из которых можно разместить животных, в которых выбор бедный, по сравнению с богатыми летними пастбищами» (8, с. 109). Верно отмеченная Э. Хантингтоном специфика кочевой экономики отражает сезонность миграции, правильный выбор маршрутов, вегетационное качество пастбищ и, в целом, соотносится с исследованиями: Ч. Валиханова, Н. Гродекова, А. Волконского и др. (3, с. 107). Ч. Валиханов хорошо был осведомлен об источниках успешного скотоводства. «Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского (казахского. – Ч. Т., Р. Р.) аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовье – место с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних пастбищ». И хотя Ч. Валиханов писал о казахском скотоводстве, но сказанное в известной степени относится и к кыргызскому скотоводческому хозяйству.

В центральноазиатском регионе многовековая практика разведения скота свидетельствует о том, что наличие обширных пастбищ, их качество и удобство расположения было и продолжает оставаться важным фактором успешного развития скотоводства. На состояние скотоводства также влияло время вызревания различных трав на пастбище и особенности солнцестояния. В жаркое время из-за отсутствия травы на равнинах и в предгорьях увеличивалось количество насекомых, и во избежание эпизоотии, скот отгоняли высоко в горы, на альпийские луга и в горные лощины. Казахское кочевое сообщество практиковало горизонтальный способ кочевания, что также, в свою очередь, зависело от множества географических факторов: засушливости почвы, редкой возобновляемости травостоя, удаленности и труднодоступности источников воды, что естественным образом приводило к дальним кочевым маршрутам. Согласно Э. Хантингтону у кыргызских племен смена кочевков происходила дважды в год. Однако известно, что у кыргызов практиковался круглогодичный цикл кочевания, включавший четырехразовую смену пастбищ: весенняя, летняя, осенняя и зимняя. В течение года скот находился на подножном корму, без заготовки впрок. Эти характеристики позволили современным авторам сделать вывод, что кыргызские скотоводы до второй половины XIX века рационально использовали пастбища, и не испытывали особого недостатка в пастбищных угодьях, кроме зимних.

Согласно экологическим концепциям, кочевое экстенсивное скотоводство, в большей степени зависимо от природы, что предполагало более рациональное использование природных ресурсов. Как полагают некоторые исследователи: «Кочевников может

быть столько, сколько может прокормиться от существующего стада, а размеры стада ограничены продуктивностью и размерами пастбищ. Увеличение выше нормы какого-либо вида, потребляющего другой вид в экосистеме, ведет к гибели от голода потребителя раньше, чем будет окончательно уничтожен вид потребляемый, после этого равновесие восстанавливается <...> скот гибнет, а за ним гибнет, распадается или порабощается кочевое общество..., назревает политико-экономический кризис, который может проявиться во внешней экспансии, в отходе части населения» (6).

Как нам представляется, информация Э. Хантингтона отражает результат аграрной политики Российской Империи в Центральной Азии в начале XX в., когда пастбища кыргызов в долинных местностях экспроприировались в пользу переселенцев из России, и тем самым сокращалось количество и продолжительность кочевок у отдельных родов и племен. Согласно Положениям царского правительства от 1867 и 1891 гг. земли кочевников были признаны государственной собственностью, и за 30 лет колонизации – с 1868 по 1883 гг. – в Семиреченской области, куда входила и территория Северного Кыргызстана, были созданы 36 русско-украинских поселений, с проживанием 2500 семей. И хотя с 1896 по 1905 гг. Туркестанский край был официально закрыт для переселения, тем не менее, стихийная миграция переселенцев из российской глубинки не прекращалась, и таким образом, к 1906 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве насчитывалось уже 77 тысяч переселенцев, большинство из которых обжило вышеназванную область (9, с. 110).

Наблюдая перекочевку кыргызов в районе реки Нарын, в которой Э. Хантингтон принимал непосредственное участие, он отмечал именно те детали, которые уточняли, либо подтверждали его климатическую теорию. Он считал, что кыргызская семья должна следовать за мужчиной, т. к. было небезопасно оставлять женщин и детей в долине. Однако не меры безопасности заставляли кыргызского мужчину, его семью, род и племя находиться в движении и быть мобильными, а забота о скоте и необходимость его выпаса на различных пастбищах. По мнению Э. Хантингтона, все мужчины, и богатый, и бедный, должны перемещаться одинаково часто, и потому даже самый богатый не может иметь очень большого или роскошного жилья (9, с. 110). Это сведение американского ученого также вызывает некоторое возражение, поскольку в перекочевке усматривалась социальная и имущественная дифференциация членов рода или племени. Большое количество скота было сосредоточено в руках богатых и влиятельных скотоводов, и от размера стада и его видового состава зависели и частота и дальность кочевок у кыргызов. Бедные скотоводы из-за недостаточного количества скота занимались к богатым сородичам и получали «саан», то есть небольшое количество скота на прокорм семьи. Перекочевка кыргызов в описании Э. Хантингтона выглядела как большой беспорядок, а его эпитеты «глупые овцы», «неуклюжие верблюды», «хаос», отражают, прежде всего, его внутреннее эмоционально-психологическое состояние в момент путешествия. «Десять или пятнадцать китбиток были расставлены на равномерном зеленом склоне между крутыми серыми утесами. На одной стороне сотни глупых овец столпились в центре стада; на другой – стада ржущих, лягающих лошадей, жирных кобыл и игривых жеребят были размещены вместе с крупнорогатым скотом и верблюдами – неуклюжими двугорбыми животными, выглядящими странно неуместными среди высоких гор, и смешными в войлочных покрытиях, накрытых на них, чтобы держать их в тепле и сухими. Деревня была в страшном беспорядке.

Разобранные кибитки лежали на земле вместе с домашними вещами, разбросанными вокруг них. Предстояло перемещение, и мужчины, и женщины, и дети деловито делали приготовления для этого. Медленнодвигающиеся и блеющие стада овец были уже отогнаны на рассвете, но остальная часть животных развлекала себя среди руин палаток, которые необходимо было упаковать для переезда» (9, с.114).

Записи Э. Хантингтона также позволяют рассмотреть видовой состав скота кыргызов в начале XX века, который включал овец, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот. Его информация дополняется сведениями других исследователей, особенность которой усиливается и гендерной особенностью. Если мужчины-путешественники лишь перечисляли разновидность скота и его численность, то женщины-путешественницы отражали детали и характеристики, незамеченные или пропущенные мужским взором. К примеру, английский миссионер Генри Ландел сухо писал, что «кара-киргызы не так богаты, как казахи Великой и Малой Орды. Очень мало среди них тех, кто владеет 2000 лошадьми или 3000 баранами. Но они выращивают быков, используемых для транспортировки в горах. Их коровы большие, но дают мало молока, зато яки, называемые *кудос*, дают очень много молока. Овцы принадлежат к курдючной породе» (11, с. 318).

Несмотря на ограниченность исследования Э. Хантингтона с антропологической точки зрения, его идеи составили достаточно оригинальный вклад и фактическую базу для усиления теоретического дискурса в контексте концепции «человек–культура–экология». На примере американского путешественника можно подчеркнуть научную привлекательность изучения кочевнических сообществ в рамках уже получившей развитие такой широкой области как антропология окружающей среды, или же более узкого направления – культурной экологии. В данной области центральным понятием выступает термин «адаптация», который обозначает способность различных обществ приспосабливаться к той или иной экосистеме. Согласно этой теории социальная организация кочевых сообществ, видовой состав скота, тип мобильности, жилища, материальная культура в целом, пища и, наконец, поведенческие установки определяются окружающей средой. Другими словами, стоит рассматривать культуру как некий адаптивный механизм, результат постоянного взаимодействия и взаимовлияния культуры и человека.

Литература

1. *Айтбаев М. Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX–начале XX вв. – Фрунзе, 1962.
2. Американскому профессору Пампелли содействие в организации экспедиции на оз. Иссык-Куль // ЦГА Респ. Узбекистан, ф. 1, оп. 32, д. 218, л. 8.
3. *Валиханов Ч. Ч.* О кочевках киргиз. – Т. 4. – Гл. ред. Каз. Сов. энциклопедии, 1984.
4. *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). – Алматы: Социнвест, 1995.
5. *Тойнби А.* Постигание истории. – М.: Айти-Пресс, 2002.
6. *Тортика А. А., Михеев В. К., Кортиева Р. И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. – Этнографическое обозрение, 1994, № 1.
7. Chappell J. E. Climatic Change Reconsidered: Another Look at “The Pulse of Asia” // *Geographical review*. – Vol. 60. – 1970, № 3.
8. Harper L. *Solitary Travelers. Nineteenth-Century Women’s Travel Narratives and the Scientific Vocation*. – P. 24, Pratt L.M. *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*.
9. Huntington E. *The Pulse of Central Asia*, Boston and New York: Houghton, 1967.

10. Kreutzmann H. Ellsworth Huntington and his perspective on Central Asia. Great Game experiences and their influence on development thought // *Geographic Review*. – Vol 59. – 2004, № 4.
11. Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. – Vol.1.
12. Spradley J., D.W. McCurdy, *Conformity and conflict: readings in cultural anthropology*. – 10th ed. – Needham Heights: Allyn&Bacon, 2000.

М. Т. Тюлегинов,

*старший преподаватель программы
«Международная и сравнительная политика»,
Американский университет в Центральной Азии*

Перспективы развития совещательной демократии в Кыргызстане

Вопрос о развитии демократии в таких странах переходного периода как Кыргызстан вызывает множество вопросов. Это и вопросы о том, есть ли смысл продолжать придерживаться переходной парадигмы, имея в виду, что политические системы в странах этого региона, возможно, уже устоялись в своем нынешнем виде, и о том, в чем причины разницы в путях развития, при всем том, что многие отмечают сходные политические тенденции в постсоветских республиках, и о том, какие модели демократического развития возможны и успешны. Курс, взятый на построение демократии бывшими советскими республиками, оказался извилист и достаточно сложен. Пример Кыргызстана, как одной из таких стран, весьма показателен, и не только в силу того, что он долгое время считался (и в какой-то степени считается) «островком демократии».

Кыргызстан, как и другие вновь образованные постсоветские государства, с начала 90-х стремился избавиться от коммунистического прошлого, олицетворявшего командную экономику и управление под руководством одной партии, хотя степень рыночных преобразований далеко опережала прогресс в реформах по демократизации общества. Внедрение формальных институтов демократии в виде выборов, разделения ветвей власти, независимых средств массовой информации и организаций гражданского общества сыграло значительную роль в формировании демократического образа страны на протяжении ряда лет.

Практика демократических преобразований начала 90-х оставляла мало места для обсуждения различных форм демократии, поскольку изначальный акцент делался на построение ее базовых институтов – таких как разделение полномочий между ветвями власти, проведение выборов, развитие гражданского общества и независимых средств массовой информации. Не вызывала сомнений общая парадигма перемен – это обеспечение доступа общества к властным полномочиям. В начале политических трансформаций в «переходных» странах нашло практическое воплощение знаменитое изречение Авраама Линкольна о том, что демократия – это «правление народа, от имени народа».